

В.П. Казаков¹
V.P. Kazakov

Латифундия в колониальной Рио-де-ла-Плате

Latifundia in the colonial Rio-de-la-Plata

Аннотация: История латифундий, латифундизма является важнейшей частью истории Аргентины и представляет историографический интерес. Данная статья посвящена историографическому обзору проблемы и начальному этапу формирования латифундий в колониальной Рио-де-ла-Плате. В центре внимания находятся главные черты аграрного строя колонии, развитие и трансформация скотоводства от вакерии – охоты на скот – до господства эстансий в пампе Буэнос-Айреса. Здесь анализируется производственная деятельность колониальной эстансии; рабочая сила – свободная и рабская. Указывается, что, несмотря на рост скотоводства, эксплуатацию земли, аграрная сфера еще не стала господствующей в социально-экономической структуре. Крупный торговый капитал не шел еще в аграрную сферу, ограничиваясь лишь реинвестициями в торговлю. Скотоводство, земельная собственность не представляли для него большого интереса. Крупная эстансия, латифундисты стали господствующими в стране после войны за независимость.

Ключевые слова: Рио-де-ла-Плата, Буэнос-Айрес, пампа, латифундизм, вакерия, колониальная эстансия, гаучо, пеон, раб.

¹ **Владимир Петрович Казаков** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: nick3334@yandex.ru. **Vladimir Petrovich Kazakov** – doctor of History, leading researcher of Institute of World History RAS. E-mail: nick3334@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8703-4793.

Abstract: The History of Argentine latifundia is an important part of the history of Argentina and is of greater historiographical interest. This work is devoted to the earlier stage in the formation of latifundism in the colonial Rio-de-la-Plata. The author focuses on the main picture of agrarian regime: development and transformation of livestock economy throughout the colonial period from vaqueria – extractive hunting expedition to the proliferation of estancias on the Buenos Aires pampas. It analyzes colonial estancia production; labour – free labour force and forced labour – slaves. It indicates that despite the expansion of the livestock economy, land exploitation continued to be a secondary activity. The great merchants of Buenos Aires made their profits not by exploiting the products of the country – but by importing consumer goods from Spain. Much surplus capital was reinvested in commerce. Livestock economy held little interest for merchants. The great estates became the dominant force in the country after the war for independence.

Keywords: Rio-de la-Plata, Buenos Aires, pampa, latifundism, vaqueria, colonial estancia, gaucho, peon, slave.

DOI: 10.32608/2305-8773-2023-37-1-7-29

В Аргентине со становлением и развитием национальной историографии на рубеже XIX–XX вв. тема латифундий, латифундизма вошла в круг исследования историков. Первыми к ней обратились либеральные историки. Х.А. Гарсия свой главный труд «Индийский город» (1900) посвятил изучению социальной структуры колониального Буэнос-Айреса. Это была первая работа в историографии, в которой исследовались истоки аргентинского общества, его исторические корни. Наряду с духовными Гарсия выделял экономические факторы, влиявшие на все проявления общественной жизни. Он уделял большое внимание воссозданию картины экономического развития колонии, в которой крупная земельная собственность играла решающую роль.

Латифундизм возник с установлением колониального режима. Испанцы ввели энкомьенду, что означало реставрацию феодализма и старинного крепостничества под новым названием. На примере вторичного основания Буэнос-Айреса в 1580 г. Гарсия показал, что испанцы делили землю на огромные

участки, и отмечал создание вокруг города «железного пояса» крупной собственности, «что задержало экономическое развитие города на многие лет»².

Анализ аграрного законодательства Аргентины с колониальных времен провел М.А. Каркано. Его труд «Историческая эволюция режима общественной земли» вышел в 1917 г. и стал классическим по данной теме. Автор отмечал, что Испания не была подготовлена к великому предпринятию конкисты и колонизации. Она принесла в Новый Свет старую цивилизацию. Испанское законодательство стимулировало захват огромных территорий. Земля концентрировалась в «жадных и влиятельных руках», преследовалась цель «помочь друзьям, вознаградить фаворитов». Произвольная форма распределения земли ограничивала число собственников до минимума. «Систематический и постепенный раздел земли на маленькие участки, – указывал Каркано, – не был характерен для нашей аграрной жизни в колониальную эпоху»³.

Каркано вслед за Д.Ф. Сармьенто, связывал латифундизм с развитием скотоводства. Типичным сельским поселенцем был эстаньеро, который с минимальными затратами труда создавал богатство, которое ему давало выращивание скота и получение шкур. Это «стало примитивной основой испанской колонизации»⁴. Такая форма скотоводства мешала развитию земледелия. В целом, «монополия земли в испанских руках, – делал вывод Каркано, – [...] аннулировала стимулы для труда и заселения»⁵. «Земля находилась в руках двух крупных собственников: короля и фаворитов, одинаково бесполезных для работы и прогресса»⁶.

Большое внимание аграрному развитию Аргентины уделяла возникшая в 1896 г. социалистическая партия и ее лидер Х.Б. Хусто, первый переводчик «Капитала» К. Маркса на испанский язык, что повлияло на формирование его взглядов по аграрному

² García, 1933. P. 74–73.

³ Carcano, 1917. P. 12.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Ibid. 12.

вопросу. Корни социально-экономической отсталости страны социалисты видели в господстве латифундизма. В отличие от других переселенческих стран в Аргентине существовала аграрная проблема, так как она была стороной латифундизма. «Нельзя, – писал Хусто, – чтобы немногочисленный класс помещиков, удовлетворенный получением ренты с незаселенных и едва обрабатываемых латифундий, изъясил их из жизни и производства целого континента»⁷.

Развитие латифундизма Хусто объяснял историческими особенностями развития Аргентины. Завоевание независимости не привело к разделу земли и образованию класса фермеров-собственников, а латифундистов, что достигалось проведением, так называемой систематической капиталистической колонизацией: постоянное и искусственное повышение цен на землю закрывало доступ к ней мелким земледельцам, а аграрное законодательство и спекуляция позволяли высшим классам присваивать ее. Результатом такой политики стало развитие экстенсивного и кочевого земледелия, немногочисленность сельского населения, существованию краткой ренты и невыгодной для земледельцев аренды. Латифундия препятствовала демографическому, технико-экономическому и социальному развитию страны.

Главное средство устранения латифундий социалисты видели в ликвидации их основы – экстенсивного животноводства. Разведение скота должно перейти из эстансий в фермы, стать неотъемлемой частью развитого земледелия. «В Аргентине, – говорил Хусто, – принято разделять скотоводство и земледелие [...]. В других странах под земледелием понимается растительное и животное производство, которое осуществляется на полях. В стране необходимо увеличить за счет эстансий число ферм, которые являются центром земледельческого производства в истинном значении этого слова»⁸. В русле концепции социалистов Х. Оддоне издал в

⁷ Justo, 1917. P. 3.

⁸ Camara de diputados 1922. T. VII. P. 638.

1930 г. монографию «Аргентинская помещичья буржуазия»⁹, в которой проследил происхождение латифундизма, который был тормозом на пути социального прогресса страны.

Во второй половине XX в. в аргентинской историографии сложилось марксистско-ленинское направление. Лебединский М., Пасо Л., Фуге Х., Сан Эстебан Р. и др., которые считали латифундизм наряду с господством иностранного капитала главным препятствием для прогрессивного развития страны.

Первоначально латифундия рассматривалась как сугубо феодальная¹⁰. Но мере углубления исследований оценка латифундии приобрела более сбалансированный характер. Подводя итоги изучения проблемы латифундизма, руководитель исторических исследований компартии Пасо отмечал характерные черты латифундии: ее скотоводческий характер; тесная связь с мировым рынком, на котором господствовали капиталистические страны, прежде всего Англия; товарные отношения в латифундии носили докапиталистический характер; владельцы латифундий были одновременно и торговцами; развитие товарной экономики основывалось на тесных связях скотоводов с европейским капиталом. Крупные помещики и торговцы стремились удержать развитие страны в рамках унаследованной от колонии социально-экономической структуры. В итоге, в развитии Аргентины старый способ производства не был разрушен, а сросся с новым, что стало причиной замедленного развития страны и продолжительного сохранения зависимости¹¹.

К сходным выводам пришли и отечественные историки. «Несмотря на латифундизм, – отмечал А.И. Штрахов, – социальные отношения в сельском хозяйстве области Буэнос-Айреса не носили феодального характера, как это было на северо-западе, но, во всяком случае, являлись докапиталистическими»¹². В пользу отсутствия сложившегося

⁹ Oddone, 1967.

¹⁰ Real, 1951.

¹¹ Paso, 1988. P. 41, 50, 55.

¹² Штрахов, 1976. С. 141.

феодалного способа производства К.В. Комаров обратил внимание на то, что испанские завоеватели не смогли установить земельную монополию и ввести личные повинности населения из-за огромного фонда свободных земель. Не сложился в колонии и класс-сословие крестьянства. По сравнению с остальными испанскими владениями в Америке Ла-Плата характеризовалась слабо выраженными чертами феодальной организации экономики, хотя в целом на протяжении колониального периода в Ла-Плате господствовали докапиталистические формы эксплуатации¹³. Вместе с тем Комаров обратил внимание на небольшое количество частновладельческой земли Ла-Платы, что «частная земельная собственность не имела в Ла-Плате традиций и не пустила сколько-нибудь глубоких корней»¹⁴.

В последней четверти XX в. в Аргентине заявило о себе новое направление в историографии – социальная история (Амараль С., Барски О., Гарвахья Х.С., Геллман Т., Майо К.А., Фрадкин Р.). У истоков нового направления стоял один из крупнейших современных историков Т. Хальперин Донги. Историки этого направления пересмотрели традиционный взгляд на социально-экономическую историю колониальной Рио-де-Ла-Платы и прежде всего на латифундизм. Представляя историков нового направления Хальперин Донги писал, что, благодаря им, «аграрная история колониальной Ла-Платы начала выходить из области общих рассуждений и приблизительности, содержащихся в известных работах, которые с большим воображением и малой информацией повторяли серию общих мест, которые мы должны принять»¹⁵.

По их мнению, колониальная эстансия не имела того значения, которое она приобрела после завоевания независимости. В отличие от традиционного взгляда в историографии они утверждали скромное место эстансии и эстаньеро в колониальном обществе, которому они не могли

¹³ Комаров, 1988. С. 12, 33, 52,

¹⁴ Там же, С. 21

¹⁵ Майо, 2004. З. 13.

навязать свои интересы. Таким образом был пересмотрен традиционный взгляд на колониальную Ла-Плату, в которой господствовал латифундизм и монокультура скотоводства «корова, а земледелие влечило жалкое существование. В действительности аграрное производство включало как скотоводство, так и земледелие. В Буэнос-Айресе и Монтевидео в отдельные периоды стоимость пшеницы превышала стоимость продуктов скотоводства»¹⁶. Земледелие не носило пригородного характера, а было широко распространено как на севере, так и на юге области Буэнос-Айреса.

Вместе с тем скотоводство преобладало – 87% площади, занятой под сельским хозяйством, против 1,9% занятой под пашней. Расчеты были произведены на основе исследования десятины, взимаемой в епископстве Буэнос-Айреса¹⁷. Соответственно социальный вес скотоводства и эстаньеро в сельском хозяйстве был выше, чем земледельца и фермера. Это объяснялось большей рентабельностью скотоводства по сравнению с земледелием.

По мнению историков социального направления, больший социально-экономический вес эстаньеро, вопреки традиционному взгляду, не позволяет говорить, что они были большой семьей в колониальном обществе. На это были как экономические, так и политические причины.

Прежде всего, у эстаньеро не было политической власти. Выше обязанностей мирового судьи и командования пограничными силами они не поднимались. Они также не достигали эффективного контроля над скотом и людьми. Сохранялся свободный доступ к земле и свободное передвижение по пампе, что ставило серьезную преграду к формированию эстаньеро как господствующего класса. Наиболее серьезным ограничением власти эстаньеро до конца колониального периода, было то, что доступ к земле и средствам существования не был полностью закрыт низшим классам.

¹⁶ Garavaglia, 1983. P. 71.

¹⁷ Amaral, Ghrio, 1990. P. 634, 636.

Не был класс эстаньеро и гомогенным. Признавалось, что число крупных эстансий выросло к концу колониального периода между 1744 и 1815 гг. с 5% до 13,8%. «Но это не должно заставлять нас думать, – отмечал Майо, – что в дореволюционный период господствовал могущественный класс латифундистов»¹⁸.

Более детальное изучение цензов позволяет заключить, что преобладали мелкие и средние эстансии. За точку отсчета бралась эстансия (Suerte de estancia) площадью в 1875 га, что позволяло получить 90 шкур в год – прожиточный минимум для эстаньеро. Ценз 1789 г. показывает, что на каждого собственника приходилось 1415 га в среднем. Но еще больше, чем в распределении земли в распределении скота видно преобладание мелкой собственности: 9,9% собственников контролировали не больше 36,7% скота, но если сюда добавить долю скота у не собственников земли, то доля скота у латифундиста будет еще меньше. В то время доля владельцев земли среди эстаньеро было около 46%, остальные были арендаторы. Еще одним доводом против латифундий было отсутствие майората. Эстаньеро делили собственность среди всех своих детей¹⁹.

Эстаньеро не принадлежали к колониальной элите и составляли промежуточную группу между высшими и низшими классами. У них был вторичный статус. Их попытки устранить мелких и средних скотоводов путем принятия специальных законов «имели ничтожный результат»²⁰.

Зарождение и развитие латифундий в аргентинской пампе обусловлено целым комплексом причин исторического, географического и демографического характера.

Рио-де-ла-Плата или Ла-Плата – территория нынешней Аргентины, разочаровала испанских завоевателей. Здесь не было обнаружено сколько-нибудь значительных месторождений драгоценных металлов. Не было здесь и

¹⁸ Mayo, 2004. P. 55.

¹⁹ Ibid., P. 56, 61.

²⁰ Ibid., P. 71.

многочисленного индейского населения, занимающегося земледелием. Вследствие этого не получил развитие институт энкомьенды. На испанских картах земли Ла-Платы значились «как не приносящие дохода». Долгое время колония не пользовалась вниманием метрополии. Она не привлекала ни выходцев из дворянства, ни из народных низов и оставалась второстепенным районом испанской империи.

В силу вышеназванных причин Мадрид не был заинтересован в завоевании всего региона. Длительное время независимыми оставались обширные районы на севере, а также юг будущей Аргентины за 36 параллелью (широта Буэнос-Айреса). К середине XVIII в. испанцы контролировали менее одной десятой части современной провинции Буэнос-Айрес²¹. Побережье и междуречье, где располагались будущие провинции Буэнос-Айрес, Санто-Фе. Энтре-Риос, ставшие экономическими центрами независимой Аргентины в колониальный период были областями наименее заселенными и наиболее отсталыми.

В эпоху конкисты все открытые завоевателями земли объявлялись собственностью испанской короны и оставались таковыми вплоть до войны за независимость и образования независимого аргентинского государств. Юридически «свободных земель», которые мог бы занять любой колонист, в Латинской Америке не было. Все земли считались королевскими.

По действовавшим законам, право на владение землей приобретал лишь тот, кто получил землю от короны в качестве пожалования (мерседес) за особые заслуги в деле завоевания страны. Распределение земли поручалось представителям короны на местах: вице-королям и губернаторам. На первых порах распределение земли происходило при основании городов. Землю получали все поселенцы. Однако наделы, которые выделялись «людям с заслугами» (кабальерия), в пять раз превосходили наделы простых поселенцев (пеонии). В то же время участки для занятия скотоводством были большего

²¹ Gonzales, 1957. P. 10.

размера, чем предназначенные для земледелия. Скотоводческий надел имел половину лиги в ширину и 1,5 лиги в длину²². Так было при вторичном основании Буэнос-Айреса Х. Гараем²³.

В действительности, в течение долгого времени земельная собственность имела абстрактное значение. Это были огромные пространства, исчисляемые в квадратных лигах, с неопределенными границами. Многие землевладельцы, не имевшие в своем распоряжении рабочей силы, постепенно утрачивали земли, так как их некому было обрабатывать.

Настоящим богатством Ла-Платы стали не драгоценные металлы, а скот. Исключительно благоприятные климатические и природные условия прибрежного района литорали, – наличие обширнейших и богатых пастбищ, а также водопоев – способствовали тому, что по пампе Буэнос-Айреса и в междуречье Параны и Уругвая в огромном количестве расплодился одичавший скот, начало которому положили домашние животные первых поселенцев Ла-Платы. Скот был скорее природным богатством, чем продуктом труда. В XVII–XVIII вв. на территории прибрежного района насчитывались многомиллионные стада крупного рогатого скота и табуны лошадей.

Все эти огромные бродячие стада выростали не в существующих эстансиях, которые в XVII в. занимались в основном выращиванием мулов для продажи в Верхние Перу, и на лугах, подготовленным человеком для развития скотоводства, тем не менее, это было легко доступное для присвоения богатство. К тому же растущая европейская промышленность нуждалась в продуктах скотоводства: шкурах жире, сале.

В пампе получило развитие вакерия – охота на одичавший скот. Группа наездников, искусная в обращении со скотом, забивала коров, снимала шкуры, а тушу оставляли в пампе.

²² Лига – мера длины, равна 5,5 км. Квадратная лига – мера площади равна 27 кв. км или 2700 га.

²³ Colección de obras y documentos... 1901. Vol. 3. P. 12.

Шкуры, высушенные на солнце, стали первым рентабельным продуктом зарождающегося скотоводства, с которым Буэнос-Айрес начал эксплуатировать свое единственное богатство.

В 1605 г. был зарегистрирован первый официальный экспорт шкур, который стал быстро расти как законным путем, так и нелегальным. С этим товаром Буэнос-Айрес стал содержать себя сам, перестал быть лишь торговым центром, где происходил обмен испанских товаров на серебро из Верхнего Перу. Но это подрывало монополию Лимы, и торговля через Рио-де-ла-Плату была запрещена, что открыло широкий путь для контрабандной торговли, на которой Буэнос-Айрес и рос.

Экспорту шкур благоприятствовали внешние события. После заключения Утрехтского мира в 1713 г. Англия получила право асьенто. Компания Южных морей могла ежегодно ввозить в Ла-Плату рабов в обмен на местные товары. В 1715–1739 гг. 61 судно привезло 18400 африканских рабов, а в обмен англичане вместе с серебром увозили шкуры²⁴.

Владение скотом было более прибыльным, чем владение землей. Разгорелась борьба за собственность на скот и прежде всего за право на вакерию. Сразу же после вторичного основания Буэнос-Айреса Гарай даровал первым поселенцам право присваивать одичавший скот и табуны лошадей. Кабильдо (муниципалитет) Буэнос-Айреса своим решением от 16 октября 1589 г. подтвердил этот дар. При этом оговаривалось, что бездомных коров не имелось, так как они были привезены при вторичном основании города его поселенцами²⁵.

Теперь поселенцы, потомки завоевателей и основателей города стали заявлять, что только они имеют исключительное и законное право собственности на эти стада. Они образовали своеобразную партию «эредерос» (наследников), которые претендовали на исключительное право забоя скота и торговли его продуктами. «Наследники» обосновывали свои претензии

²⁴ Brown, 1979. P. 25.

²⁵ Levene, 1952. T. 1. P. 192.

тем, что все стада и табуны в пампе расплодились от домашних животных, привезенных сюда их отцами и дедами.

Претензии «наследников» были санкционированы двумя решениями кабильдо. Первое, принятое в сентябре 1602 г. запрещало лицу любого положения и состояния убой или продажу хотя бы одной головы скота, если на животном не было клейма или знака, сделанный каленым железом и подтверждающего принадлежность животного данному лицу. Нарушителю этого распоряжения грозил штраф и конфискация туши. Другим своим решением кабильдо открыл 22 апреля 1602 г. регистр, в который были внесены имена 40 жителей Буэнос-Айреса, так называемых «пайщиков», то есть лиц наделенные правом убоя скота в пампе²⁶.

Именно клейма асьенд и принадлежность к «пайщикам» послужили первоначальной правовой основой скотоводства в Ла-Плате. Лица, не включенные в регистр, но убивающие скот, рассматривались властями как браконьеры или контрабандисты.

«Пайщики» считали, что только они являются собственниками одичавшего скота и не признавали права на владение им даже за имущей частью новоприбывших испанцев. На протяжении XVII в. им удавалось достигать своих целей, поскольку продажа шкур осуществлялась через кабильдо, который находился в руках наиболее богатых. Кабильдо договаривался о цене с испанскими торговцами, и каждый раз устанавливал, кто мог продавать шкуры и в каком количестве. Кабильдо часто пренебрегал интересами обедневших потомков конкистадоров. Это вызвало со стороны последних многочисленные жалобы. О несправедливости, чинимых кабильдо, многократно докладывалось королю²⁷.

Такое положение, когда испанские купцы заключали торговую сделку не с отдельными лицами, а с кабильдо, не устраивало торговцев, хотя, будучи единственными покупателями, они часто диктовали свои условия. По их

²⁶ Gonzales, 1957. P. 146.

²⁷ Ibid., P. 152.

настоянию 26 ноября 1732 г. был издан королевский указ, запрещавший чье-либо вмешательство в отношения продавца и покупателя²⁸.

Когда же не кабилдо, а сами потомки конкистадоров стали определять, сколько шкур выделить им на рынок и по какой цене продавать, у них появился интерес к захвату одичавшего скота. Иногда это выражалось в его отлове на частных земельных участках, а чаще всего в простом клеймении, поскольку меченый скот являлся, бесспорно, собственностью соответствующего владельца. К концу 20-х годов XVIII в. всякое стадо практически имело своего владельца²⁹.

К этому времени поголовье дикого скота настолько уменьшилось, что охота на него стала угрожать уничтожением этого источника богатства, и кабилдо вынуждены были прекратить выдачу разрешений на вакерию. Уничтожение дикого скота было компенсировано растущим увеличением скота прирученного.

Ко второй половине XVIII в. скотоводство в своем развитии прошло два этапа: охота на одичавший скот, а затем колониальная эстансия, принадлежавшая отдельному владельцу, которого стали называть асендадо или эстаньеро. Эстансия консолидируется как основная производственная единица.

Асенда или эстансия представляла собой участок различной величины, где на воле пасся крупный рогатый скот. Как правило, эстансия состояла из дома ее владельца, нескольких хижин (ранчо) для батраков (пеонов), нескольких дворов и разбросанных в разных местах шалашей. Такая эстансия – это не что иное как неогороженное пастбище, без каких-либо ограждений и скот беспрепятственно переходил с одного участка на другой. В случае надобности эстаньеро обращался к мировому судье за разрешением на родео (сбор скота в одно стадо), то есть отлавливать свой скот, помеченный специальным тавром, на землях соседа. Время родео было

²⁸ Sierra, 1959. P. 129.

²⁹ Coni, 1955. P. 52.

ограничено несколькими часами, обычно от восхода солнца до обеда.

Экстенсивное скотоводство требовало обширных площадей с наличием водных источников. Поэтому особую ценность приобретали участки, имевшие овраги, реки, ручьи. Такие участки назывались углами.

В процессе превращения в эстансьеро владение скотом предшествовало приобретению земли. Среди эстансьеро были как скотоводы, так и арендаторы земли. В колониальной эстансии было два вида работ: постоянная и временная, сезонная. Первая состояла из выращивания и сохранению скота; вторая – его клеймения, выхолощивания, забоя и снятия шкур. Персонал эстансии состоял из приказчиков, агрегадос, пеонов и рабов. У большинства эстансьеро величина инвестиций была небольшой, их львиная доля приходилась на скот, а не на землю.

Типичным работником в эстансии был агрегадо, с которым эстансьеро не расплачивался деньгами. Их отношения строились на следующем принципе: «Я поселил его на моей земле, а он за это будет работать на меня» Большинство агрегадос были выходцы из внутренних провинций, преимущественно парагвайцы. Существование института агрегадос было экономически выгодным для эстансьеро. Он обменивал землю, которая была в избытке, на труд – крайне дефицитный в пампе.

Но агрегадо не был пригоден для всех работ. Наряду со свободной рабочей силой в эстансии применялся труд рабов. Как правило, рабов имели крупные и средние эстансьеро. Историки расходятся во мнении о причинах существования в колониальной эстансии института рабов наряду со свободной рабочей силой.

Амараль объясняет существование рабского и свободного труда в эстансии стоимостными категориями. Меньшая стоимость раба по сравнению со стоимостью труда свободного работника объясняла необходимость и полезность его существования для постоянных работ в течение длительного времени. Напротив, разумность и выгодность использования

труда пеона на временных работах вытекала из-за большей его ежедневной выгоды. Таким образом два типа рабочей силы были взаимодополняющими, а не взаимоисключающими³⁰.

Майо полагает, что Амараль использует слишком сложное понятие для объяснения поведения эстансьеро, многие из которых были едва грамотными. Первая причина предпочтения рабского труда свободному, по его мнению, его большая выгода из-за чрезвычайно высокой стоимости наемной рабочей силы в эстансии. Покупка рабов позволяла экономить средства, которые нужно было бы потратить на наем пеонов. При этом преследовалась цель не только снизить стоимость рабочей силы, но и остановить отток денег. Рабский труд быстро окупает себя, то есть быстро окупаются расходы на покупку раба. Предпочтение, которое отдавалось рабскому труду, объясняется и недисциплинированностью пеонов, которые могли уйти от хозяина в любое время. Использование рабского труда понижало высокую стоимость свободного труда. «И, – заключает Майо, – это была более надежная рабочая сила, более стабильная и быстро окупающая первоначальное вложение в нее»³¹.

В крупных эстансиях рабы были призваны покрыть спрос, как на постоянную, так и на временную работу. Наем свободной рабочей силы Майо объясняет рыночными факторами, если спрос большой и много работы, то нанимались свободные. Если же для ведения работ рабов было достаточно, то свободных не нанимали. Раб мог выполнять все сельскохозяйственные работы, которые делал пеон³².

Несмотря на наличие института рабов во второй половине XVIII в. начал складываться рынок свободного труда. В сельском хозяйстве широко использовался труд пеонов, которым платили как деньгами, так и натурой. В официальных документах того времени встречается следующее определение пеона. «Пеонами считаются лица, которые живут за счет платы,

³⁰ Amaral, 1987. Т. 19. Р. 2, 271–275.

³¹ Mayo, 2004. Р. 138.

³² Ibid., Р. 129.

получаемой за свой труд»³³. Но рынок труда не был стабильным, наблюдалась большая текучесть: работники легко приходили и также легко уходили. Существовавшее законодательство против бродяг, принуждавшее их к труду, носило формальный характер и не играло существенной роли.

Пеоны не представляли собой сложившийся класс пролетариев. Существовали два типа наемных работников, которые отличались различным отношением к средствам производства: «пеон-крестьянин, и пеон-пролетарий». Первый тип – мелкий крестьянин, который продавал свою рабочую силу, чтобы пополнить доход, получаемый со своей парцеллы. Второй – не имел ничего, кроме одежды и одной-двух лошадей и в продаже своей рабочей силы находил главное, если не единственное средство существования. Этот тип работника еще называли хорналеро (от исп. jornalero – букв. поденщик). «Хорошо известно, – утверждалось в одном свидетельстве о бедности, – что хорналерос называются те, кто живет продажей своего труда, поэтому они не заслуживают никакого другого названия как бедняки»³⁴.

Нередко пеонами становились дети мелких аграриев, так как у их родителей не хватало имущества на всех детей. Тогда последние уходили из родительского дома и искали средства существования в наемном труде.

В свою очередь многие пеоны-пролетарии хотели стать крестьянами. Для этого необходимо было стать скотоводом, приобрести несколько голов скота, а затем получить доступ к земле, поселившись на границе и получить семена у землевладельца в обмен на часть будущего урожая.

Так медленно и противоречиво начался процесс формирования сельского пролетариата в пампе.

Скотоводство вызвало появление в пампе своеобразной социальной прослойки – гаучо. С этнической точки зрения гаучо – результат смешения рас. Его социальное происхождение многообразно: охота и забой скота велась

³³ Apolant, 1966. P. 49.

³⁴ Цит. по: Mayo, 2004. P. 112.

молодыми креолами и метисами, дезертирами с кораблей и из местной милиции, ветеранами. Все они покинули город, чтобы вести охоту на одичавший скот и заниматься контрабандой³⁵. Слово гаучо появилось в официальных документах в конце XVIII в. и приблизительно означало «конокрад», «контрабандист».

Гаучо отличала высокая социальная мобильность. Он мог стать пеоном, если его единственным источником средств существования становилась работа по найму. Если же он оседал на земле, то мог стать как полунищим арендаторов, так и зажиточным землевладельцем³⁶.

В широком смысле к гаучо относились все, кто обладал навыком обращения со скотом: пеоны, свободные поселенцы, контрабандисты, занятые незаконным убоем скота и его торговлей.

В одном документе сообщалось: «Гаучо бывает двух типов: поденщики, которые работают по найму и чангдорес, которые занимаются контрабандой, кражей скота и его убоем в пользу нанимателя – скотовода за предварительно установленную плату. Кроме того, последние забивают скот, чтобы самим торговать шкурами»³⁷.

Новейшие исследования опровергли мнение прежних историков о слабом развитии земледелия и даже его застое в пампе в колониальный период. Если на северо-западе и западе Аргентины испанцы во время завоевания обнаружили оседлые индейские племена, занимающиеся примитивным земледелием, то в пампе туземному населению земледелие не было известно вообще. Здесь оно возникло лишь после вторичного основания Буэнос-Айреса и начало ему положили первые поселенцы, получившие в черте города земельные участки для постройки домов и разведения огородов, а вне его под фермы для посевов пшеницы и других зерновых культур. Земли, предназначенные исключительно под земледелие, располагались вокруг города.

³⁵ Assunção, 1975. P. 99.

³⁶ San Esteban, 1975. P. 99.

³⁷ Sierro, 1959. P. 55.

Во избежание потрав на этих землях запрещалось разводить скот, они предназначались для обеспечения города хлебом.

Колониальные власти с самого начала стремились ограничить посевы пшеницы лишь потребностями в ней местного населения. Спорадический экспорт муки в Бразилию в конце XVI – начала XVII вв. вскоре был запрещен. Таким образом исчез один из главных стимулов в развитии здесь земледелия и прежде всего производства зерновых.

Запрет торговли Буэнос-Айреса с внешним миром имел для скотоводства и земледелия разные последствия. Если продукты скотоводства продолжали экспортироваться нелегальным путем, то земледелие стало зависеть исключительно от развития внутреннего рынка и политики властей.

Помехой в развитии земледелия, помимо запрета экспорта зерна и муки, была мелочная регламентация торговли зерновыми кабильдо Буэнос-Айреса, установившего низкие твердые цены на зерновые, муку, и хлеб на внутреннем рынке³⁸. Нужда заставляла земледельца продавать зерно сразу после сбора урожая. Скупщики, пользуясь этим, скупали его по более низким ценам. Всевозможные ограничения сковывали земледельца. Он обрабатывал «только такой участок, который считал необходимым, чтобы прокормиться»³⁹.

Временами в Буэнос-Айресе не хватало хлеба. В таких случаях колониальные власти прибегали к внеэкономическому принуждению: отменяли или переносили другие работы во время сбора урожая. Освободившиеся таким образом работники отправлялись на поля. Кабильдо Буэнос-Айреса указывал, что такая мера представляется вполне обоснованной и ее следует применять ввиду недостатка рабочей силы⁴⁰.

Серьезным препятствием развитию земледелия была нехватка рабочих рук. Причина этого носили многообразный характер. Труд земледельца был несравненно более тяжелым, чем труд пастуха, к тому же он требовал определенных знаний

³⁸ Levene, 1952. Т. II. P. 133.

³⁹ García, 1933. P. 152.

⁴⁰ Documentos..., Т. I. P. 51.

и навыков. Наемная рабочая сила в земледелии стоило несравненно дороже, чем в скотоводстве. Помимо социально-экономических причин были и социокультурные. Пастухи с презрением относились к земледелию. По свидетельству испанского натуралиста и географа Феликса де Асары: «Пастухи, считают земледельцев глупцами. Ведь если бы они сделали пастухами, они жили бы без труда и не питались бы подобно лошадям фуражом, как они называли салат, зелень и овощи»⁴¹.

Нехватка рабочих рук объяснялась также наличием огромного фонда свободных земель, доступных не только для высших классов, но и для народных низов. В газете «Семинарио де агрикультура» отмечалось: «В связи с ростом числа самостоятельных хозяев налицо неописуемо быстрое исчезновение наёмных рабочих рук. Спрос на рабочую силу увеличивается в той самой пропорции, в которой уменьшается число тех, кто должен продавать свой труд»⁴².

В поисках свободных земель наиболее предприимчивые уходили все дальше от Буэнос-Айреса. Территориально колонии расширялись не только за счет их усилий, но и в результате войн с индейцами. К началу XIX в. область Буэнос-Айреса занимала уже площадь в 31398 кв. км по сравнению с 8991 кв. км в 1744 г.⁴³

В земледелии, как и в скотоводстве, была широко распространена аренда земли. Это объяснялось препятствиями, которые создавались испанским законодательством переходу земли в частную собственность, а также трудностями, связанными с обустройством на новых землях, набегами индейцев. Арендованная земля чаще всего использовалась для ведения полунатурального хозяйства для удовлетворения нужд самого колониста. Были также хозяйства, в которых использовалась наемная рабочая сила. Существовал также институт государственной аренды. К началу XIX в. в

⁴¹ Azara, 1847. P. 73.

⁴² Vieytes, 1956. P. 30.

⁴³ Muniz, 1966. P. 97.

окрестностях Буэнос-Айреса насчитывалось около 2 млн земледельцев-арендаторов⁴⁴. Обычно они арендовали землю на средства, взятые у ростовщиков. Арендатор, не успевший или не сумевший вернуть долг в срок, оказывался перед необходимостью сбывать свою продукцию сразу же после жатвы по ценам, не окупавшим расходы на производство⁴⁵.

Большую роль в дальнейшем развитии колонии сыграли реформы Карла III: создание в 1776 г. вице-королевства Рио-дела-Плата со столицей в Буэнос-Айресе; «Регламент и королевские тарифы свободной торговли Испании и Индий»⁴⁶.

Регламент предусматривал полную свободу торговли между 13 испанскими портами и 24 портами Испанской Америки, в том числе и Буэнос-Айреса. Многие товары, вывозившиеся из вице-королевства, в том числе продукты скотоводства, освобождались от таможенных пошлин. На некоторые другие продукты размер пошлин снижался. Регламент также предусматривал освобождение от налогов изделия испанской промышленности. Но Регламент не отменил запрета на торговлю колоний с иностранцами. Завершающим актом реформ стал указ 1795 г., разрешавший торговлю с другими колониями и аналогичный указ 1796 г. в отношении нейтральных стран⁴⁷.

Введение свободной торговли способствовало превращению Буэнос-Айреса в один из крупнейших торговых портов Америки. Для Буэнос-Айреса внешняя торговля стала главным фактором экономического подъема. Население города быстро росло: в 1726 г. – 2538 чел.; 1738 г. – 4436; 1744 г. – 10056; 1778 г. – 24083; 1810 г. – 41642⁴⁸.

Наиболее быстро развивалось скотоводство, о чем свидетельствует рост экспорта шкур: с 150 тыс. шт. в 1778 г. до 800 тыс. шт. в 1779⁴⁹. Однако в целом, в экспорте вице-

⁴⁴ Levene, 1952. Т. II. P. 164.

⁴⁵ Schneider, 1962. P. 38.

⁴⁶ Documentos..., Т. V. P. 313.

⁴⁷ Documentos..., Т. VII. P. 106.

⁴⁸ Ibid., Т. X. P. XIX–XXI.

⁴⁹ Giberti, 1914. P. 17.

королевства преобладало серебро, а не продукты скотоводства. Выросло производство пшеницы в мелких семейных хозяйствах, а также в эстансиях.

Вместе с тем до создания единого внутреннего рынка было еще далеко. Каждый регион старался производить товары для местного производства, чтобы обеспечить ими свой рынок. В то же время каждый производитель стремился обеспечить, прежде всего, себя, а на рынок продавал лишь излишки. Рынки были небольшими и исключительно городскими⁵⁰.

Итоги изучения колониальной латифундии говорят, как в ее пользу, что она существовала, так и против ее господствующего положения. Представляется важным определить основную тенденцию. Никто не отрицает роста крупных эстансий, отмечается лишь то, что в колониальный период они еще не концентрировали большей части скота и земли.

Но правомерно ли отрицать на этом основании возможность и неизбежность концентрации «*Suertes de estancia*» в немногих или даже в одних руках в условиях господства товарно-денежных отношений и рынка? При соответствующих условиях это могло произойти достаточно быстро. Главное, что в пампе начал складываться район торгового скотоводства с центром в Буэнос-Айресе, и реформы Карла III способствовали этому в огромной степени.

Главное внимание следует обратить на то, как он возник, Специализация района вытекала исключительно из почвенно-климатических условий, а не в результате роста общественного разделения труда и складывания внутреннего рынка. Такой генезис района торгового скотоводства не предполагало товарной основы производства. Максимально выгодные природные условия для развития скотоводства сочетались со спросом на его продукцию на мировом рынке. Пампа стала его продолжением, рынком сбыта не изделий национальной промышленности, а европейской.

Наряду с колониальной зависимостью от Испании начала складываться экономическая зависимость от

⁵⁰ Barsky, Gelman, 2009. P. 98, 103–104.

западноевропейских стран, прежде всего Великобритании. В возникновении этой зависимости решающая роль принадлежала скотоводческой латифундии. И здесь не играет решающей роли существование во многих из них земледелия, а в некоторых – даже очагов домашнего ткачества. Наличие не скотоводческих производств служило лишь для удовлетворения местных потребностей и подтверждает только наличие в них натурально-хозяйственной основы воспроизводства.

В колониальный период началось лишь зарождение скотоводческой латифундии. Станет ли она главной производственной единицей, а латифундисты ведущей социальной силой зависело от позиции крупного торгового капитала Буэнос-Айреса и политики государства.

Вплоть до войны за независимость путь к богатству и высокому общественному положению обеспечивала торговля. Купец, а не эстаньеро был ведущей фигурой. Большую часть полученной прибыли купцы реинвестировали в торговлю, остальную в недвижимость и денежные операции. Вложения в землю и скот не считались ни хорошими, ни престижными. У купцов не было заинтересованности в инвестициях такого рода, поскольку сельская собственность имела маленькую цену⁵¹.

Таким образом, решающий этап генезиса капитализма должен был наступить позднее, после завоевания независимости. От того, в какую сферу производства пойдет торговый капитал во многом зависел конкретно-исторический путь развития капитализма в стране, а значит и дальнейшая судьба латифундизма в пампе.

Библиография / References

Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М.: Наука, 1988. Komarov K.V. Agrarnyi vopros i voina za nezavisimost' Argentiny. Moskva, 1988.

⁵¹ Socolov, 1978. P. 61, 65, 170.

- Штрахов А.И.* Война за независимость Аргентины. М.: Наука, 1976. Shtrakhov A. Voyna za nezavisimost' Argentiny. Moskva, 1976.
- Amaral S. y Ghrio J.M.* Diezmos y producción agraria. Buenos Aires 1750–1800 // Revista de Historia economica. 1990. No 3.
- Amaral S.* Rural production and Labour in Late Colonial Buenos Aires // Journal of Latin American Studies. 1988. T. 19. P. 2.
- Apolant J.* Padrones olvidados de Montevideo de siglo XVIII. Montevideo, 1966.
- Argentina. Congreso nacional. Camara de Senadores. 1922. T. VII. Buenos Aires, 1923.
- Assençao F.O.* Historia del Gaucho. Buenos Aires: Claridad, 2007.
- Azara F.* Memorias Sobre el estado rural del Rio de la Plata in 1801. Madrid, 1847.
- Barsky O. y Gelman J.* Historia del agro argentina. Buenos Aires: Sudamerica, 2009.
- Belgrano M.* Escritos económicos. Buenos Aires: Raigal, 1956.
- Brown J.C.* A socioeconomic history of Argentina 1776–1860. Cambridge univ. press, 1979.
- Carcano M.A.* Evolución histórica del régimen de la tierra pública. Buenos Aires, 1917.
- Colección de obras y documentos relativos a la historia antigua y moderna del Rio de la Plata. [Ed.] De Augelis P. Vol. 1–3. Buenos Aires, 1901.
- Coni E.A.* El gaucho. Buenos Aires, 1957.
- Documentos para la historia argentina. T. I–XXIV. Buenos Aires, 1913–1956.
- Garavaglia J.C.* Economic Growth and Regional Differentiations: The River Plata Region at the end of the Eighteenth Century // Hispanic American Historical Review. 1985. Vol. 65. No. 1.
- García J.A.* La ciudad Indiana. Buenos Aires, 1937.
- Giberti H.C.E.* El desarrollo agrario argentina. Buenos Aires, 1964.
- Gonzales J.V.* Historia argentina. Era colonial. Buenos Aires, 1957.
- Justo J.R.* La cuestión agraria. Buenos Aires, 1917.
- Levene R.* Investigaciones acerca de la historia económica del Virreinato del Plata. T. I–II. Buenos Aires, 1952.

- Mayo C.A.* Estancia y sociedad en la pampa (1740–1820). Buenos Aires: Biblos, 2004.
- Muniz R.* Los indios pampas. Buenos Aires, 1966.
- Oddone J.* La burguesía terrateniente. Buenos Aires, 1967.
- Paso L.* Elementos de la evolución histórica argentina. Buenos Aires: Amigos de historia, 1988.
- Real J.J.* Manual de la historia argentina. Buenos Aires, 1951.
- San Esteban R.* El agro argentina: proceso histórico. Buenos Aires, 1975.
- Schneider S.* Proyección histórica del gaucho. Buenos Aires, 1962.
- Sierra V.* Historia de la Argentina. Fin del Régimen de Gobernadores y creación del Virreinato del Río de la Plata (1700–1800). Buenos Aires, 1959.
- Socolov S.M.* The Merchants of Buenos Aires. 1778–1810. Cambridge univ. press, 1978.
- Vieytes J.* Antecedentes económicos de la revolución de Mayo, Buenos Aires: Raigal, 1952.